

УДК 81-112

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕРОДОВОЙ ПАРАДИГМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА (по материалам Галицко-Волынской летописи)

© 2013 г.

О.Д. Луконина

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

odlukonina@mail.ru

Поступила в редакцию 04.12.2013

Анализируются формы множественного числа согласуемых имен в Галицко-Волынской летописи как отражение процесса формирования внеродовой плюральной парадигмы.

Ключевые слова: формирование внеродовой парадигмы, эволюция форм множественного числа, парадигма согласуемых имен.

Галицко-Волынская летопись, бесспорно, входит в число самых известных и ценных памятников древнерусской письменности домонгольского периода. Историки единодушно отмечают исключительное богатство фактического материала, широту охвата политических событий и структурное своеобразие памятника. Вместе с тем именно своеобразие памятника (отсутствие хронологической сетки и традиционного для летописи разделения текста на погодные записи; уникальность приводимых сведений) делает текст Галицко-Волынской летописи исключительно сложным для восприятия. Вообще же следует отметить, что Галицко-Волынская летопись привлекала к себе внимание историков гораздо чаще, чем филологов. Так, авторитетная «Историческая грамматика древнерусского языка» не включает ее в круг своих источников [1, с. 279–287]. С лингвистической точки зрения летопись исследована недостаточно, невзирая на довольно длительную историю изучения. Объектом исследовательского внимания традиционно является орфография памятника, отмеченная несомненными чертами второго южнославянского влияния, и лексика, иллюстрирующая процесс вытеснения из книжного языка древнерусских слов и их замену словами живого украинского языка, более понятными современникам переписчика [2, с. 61–75]. С точки зрения морфологических особенностей Галицко-Волынская летопись практически не исследована. Между тем, написанная на юго-западе Киевского государства в XIII веке и уцелевшая в монгольский период, она представляет исключительный интерес.

История парадигм множественного числа во всей совокупности форм еще не была предметом специального исследования [1, с. 13]. На протяжении длительного периода истории

древнерусского языка можно наблюдать процесс последовательного размежевания парадигм единственного и множественного числа. Формы единственного числа «маркированы» относительно рода и типа склонения. Множественное число со временем образует свою собственную парадигму, противопоставленную единственному, и относительно независимую от рода и типа склонения.

Исследователями неоднократно отмечался параллелизм в развитии атрибутивных и субстантивных форм. И хотя это обстоятельство интерпретируется по-разному [3, с. 98–104; 4], обращение к родоизменяемым именным формам представляется закономерным: именно они ранее всего реализуют инновации в морфологической системе.

В формировании плюральной парадигмы выделяют три этапа [1, с. 160, 192, 224].

На первом, самом раннем, этапе развивается номинативно-аккузативный синкретизм. Памятники древнерусской письменности старшего периода (в том числе берестяные грамоты по крайней мере с XII века) уже знают случаи омонимии именительного и винительного падежей множественного числа. В Галицко-Волынской летописи они представлены немногочисленным корпусом примеров: *мнози немци избиты быша* [2, с. 83].

Следующий этап в развитии плюральной парадигмы связан с развитием категории одушевленности. Субстантивированные местоимения и прилагательные (реже – причастия) в древнерусском языке очень рано демонстрируют совпадение винительного и родительного падежей.

На последнем этапе формирования внеродовой парадигмы множественного числа были утрачены родовые различия в косвенных падежах.

Ослабление корреляции *а-основ с женским родом связано, несомненно, с формальным согласованием, широко распространенным в старославянском и древнерусском языках. Спорадически случаи формального согласования встречаются в старорусских памятниках письменности вплоть до XVI века [5, с. 9–15], однако в Галицко-Волынской летописи представлено только смысловое: *на слугу королева* [2, с. 98]. Возможно, это связано с тем, что круг имен существительных на *а, способных обозначать лиц мужского пола, не очень велик: *слуга, стареишина, владыка, голова, ищя* и некоторые другие. Не все из названных имен могут встречаться в летописно-хроникальных текстах в силу специфики своего лексического значения.

Ослабление связи между парадигмами единственного и множественного числа хорошо иллюстрируется колебаниями в родовом оформлении некоторых слов – главным образом тех, которые в памятниках употреблялись преимущественно во множественном числе, и особенно *pluralia tantum*. В Галицко-Волынской летописи встречаются случаи употребления при существительном женского рода *pluralia tantum* определения как женского рода: *...дети его изыиманы*... [2, с. 94], так и мужского: *...дети наши видеша, яко рать стоитъ за горю*... [2, с. 147]. В первом случае речь идет о захвате в заложники *сыновей* князя Ростислава Пинского. Классифицировать случай как формальное согласование мешает то обстоятельство, что формы женского рода в дальнейшем совпали с внеродовыми. Второй пример с одинаковым основанием может быть истолкован и как смысловое согласование (из расширенного контекста явствует, что дети, видевшие рать, были мужского пола), и как внеродовая форма родоизменяемого слова. Лингвистическая интерпретация каждого из приведенных примеров по отдельности затруднительна, но, рассмотренные в совокупности, они образуют известную систему и дают основание предположить, что перед нами все-таки именно внеродовые формы [6, с. 178].

Ошибочные формы множественного числа согласуемых имен в Галицко-Волынской летописи представлены главным образом дательным падежом: *...твердым же бывшимъ дверемъ*... [2, с. 79], *...имена же бывшимъ воободамъ с нимъ*... [2, с. 81]; *...ятымъ же бывшимъ княземъ*... [2, с. 82]; *...рекшю бояромъ галицкымъ*... [2, с. 91]; и др. Можно предположить, что ко времени создания памятника унификация форм дательного, творительного и местного падежей еще не была завершена.

В целом можно говорить о том, что Галицко-Волынская летопись, отражая процессы, связанные с формированием плюральной парадигмы, имеет свои собственные специфические особенности: так, вместо ожидаемых инноваций, памятник свидетельствует о достаточно устойчивом функционировании атрибутивных форм.

Список литературы

1. Иорданиди И.С., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. Множественное число именного склонения. / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2000. 310 с.
2. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. / Сост. Н.Ф. Котляр, В.Е. Франчук, А.Г. Плахонин; Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 424 с.
3. Шульга М. В. О причинах устранения родовых различий во множественном числе у родоизменяемых слов // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 98–104.
4. Копелиович А.Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир, 1995. 125 с.
5. Самойлова Г.С. Категория рода в русских говорах по памятникам деловой письменности XIV–XX веков (в вероятностно-статистической интерпретации). Автореф. дис ... канд. филол. наук. Горький. 1983. 16 с.
6. Луконина О.Д. Функционирование родоизменяемых слов при существительном *pluralia tantum* ДЕТИ в Галицко-Волынской летописи. Арзамас, АГПИ. 2012. С. 176–179.

CHANGE NOUN'S PLURAL GENDER PARADIGM IN GALICKO-VOLUNSKAJA CRONICLE

O.D. Lukonina

This article is devoted to studying the process of the formation of a plural extra-gender-noun paradigm as it is reflected in the forms of plural coordinate nouns in the Galitsko-Volinskaya chronicle.

Keywords: evolution of a plural paradigm, extra-gender-noun paradigm formation, paradigm of coordinate names.